

Дюркгеймианская традиция глазами культурсоциолога

РЕЦЕНЗИЯ НА: SMITH P. (2020). DURKHEIM AND AFTER: THE DURKHEIMIAN TRADITION, 1893-2020.
NEW YORK: JOHN WILEY & SONS.

Артур Печерских

Студент магистерской программы «Социология», факультет социологии,
Европейский университет в Санкт-Петербурге.

Адрес: Гагаринская ул., д. 6/1, литера А, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация 191187.

E-mail: apecherskikh@eu.spb.ru

Чтение работ Эмиля Дюркгейма на начальных курсах университетских программ по социологии уже давно стало общим местом во всем мире. Фигура классика, как правило, появляется на первых занятиях по истории дисциплины, неразрывно связываясь в глазах студентов с понятиями «социального факта» и «солидарности», типологией самоубийств (которую, конечно, кто-то в аудитории постарается упрекнуть в несостоятельности, ссылаясь на осознаваемые самим Дюркгеймом трудности в определении «фаталистического» типа) и оппозицией сакрального/профанного. Даже столь выборочное знакомство играет большую роль в формировании профессиональной идентичности, однако оно же приводит к восприятию одного из отцов социальной науки как устаревшего классика и источника «ритуальных» цитирований. Книга Филиппа Смита убедительно разрушает эту оценку, предлагая читателю обширный экскурс в историю дюркгеймианской традиции, включающий в себя рассмотрение как прямых учеников мэтра, так и представителей его стиля мышления. Используя ироничное замечание автора книги, если мы считаем *The Beatles* феноменом нашей эпохи, то так же следует относиться и к Дюркгейму (с. 5)¹: сейчас ливерпульская группа куда ближе во времени к нему, чем к текущему году.

Книга состоит из пяти глав, две посвящены самому Дюркгейму. Первая глава представляет его краткую биографию, построенную вокруг четырех крупнейших работ — «Разделения труда» (1893), «Правил социологического метода» (1895), «Самоубийства» (1897) и «Элементарных форм» (1912). Смит представляет наиболее важные понятия и теории каждой монографии, старательно воссоздавая контекст их создания и источники вдохновения, будь то прочитанные ранее лекции, полемика с Габриэлем Тардом или впечатления от чтения Шопенгауэра. Обсуждение каждой из этих работ включает критические замечания, отчасти объясняемые принадлежностью автора к «Сильной программе» в социологии культуры. Например, «Правила социологического метода», названные здесь «раскраской по номерам» (с. 26) и получающие скорее негативную оценку, Смит (не без оснований)

1. Здесь и далее данные в скобках номера страниц относятся к книге Филиппа Смита.

считает проблемными для тех, кто видит в Дюркгейме культурсоциолога (там же) — и акцентирует на этом внимание. К этой особенности взгляда и интерпретации мы вернемся после того, как закончим содержательное представление книги. Тем не менее здесь же дается лаконичный ответ на критику дюркгеймовского манифеста Зигмунтом Бауманом, который видел в нем продукт своего времени, претендующий на безусловный интеллектуальный авторитет и знание об истинном устройстве общества². По словам Смита, «Метод» был прежде всего попыткой утвердить дисциплинарную автономию, создать «дискурсивное пространство для социологического предприятия»³ (с. 26), а не политическим заявлением.

Во второй главе фокус смещается в сторону менее известных работ Дюркгейма, в том числе тех, что были написаны в сотрудничестве с учениками. Смит пишет, что, даже при отсутствии четырех ставших классическими монографий, Дюркгейм все равно снискал бы славу значительного теоретика и основателя оригинальной научной группы в истории социальной мысли (с. 57-58). Рассказ начинается с введения десятка тем, чьи следы можно обнаружить в корпусе текстов Дюркгейма. К ним относятся размышления о социализме, культе индивида и образовании. Понятия «собственности» и «контракта» получают здесь «культурную» интерпретацию, согласно которой они обладают сакральным статусом (с. 65-66). В этом же разделе Смит соглашается с оценкой Дюркгейма как сторонника патриархата⁴, но указывает, что тот верно стремился понять сферу семьи и гендера исторически, исходя из социальной организации публичной сферы — именно такой подход находится в основании современных феминистских исследований (с. 69).

Стоит отметить, что дополнение открывающего книгу обзора дюркгеймовских текстов подробностями его жизни идет рассказываемой истории на пользу. Работа Смита не претендует на место объемных биографий, написанных Стивеном Льюком⁵ и Марселем Фурнье⁶, но помещенное в ней жизнеописание изобилует деталями, способными удивить неискушенного читателя. Среди них — не самая впечатляющая успеваемость Дюркгейма во время учебы в *Высшей нормальной школе* (по замечанию Смита, часто пишут, что Дюркгейм окончил философию седьмым среди учащихся, но редко — что это второе место с конца (с. 12)) или посещение им лаборатории Вильгельма Вундта в Лейпциге (с. 72). Местами Смит обращается не к указанным выше биографиям и не к изысканиям авторов журнала *Durkheimian Studies*, а к малоизвестным фотографиям классика и даже сохранившемуся фрагменту записи его речи. Такой материал позволяет увидеть в Дюркгейме

2. *Bauman Z.* (2005). *Durkheim's society revisited* // Alexander J.C. & Smith P. (Eds.). *The Cambridge Companion to Durkheim*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 360-382.

3. Здесь и далее цитаты даны в моем переводе.

4. Главным аргументом в пользу этого остаются пассажи из «Разделения труда» (см., например: *Дюркгейм Э.* (1996). *О разделении общественного труда* / Пер. с фр. А. Б. Гофмана, прим. В. В. Сапова. М.: Канон. С. 63-67).

5. *Lukes S.* (1972). *Emile Durkheim: His life and work: A historical and critical study*, Stanford: Stanford University Press.

6. *Fournier M.* (2013). *Emile Durkheim: A biography*. Cambridge: Polity.

не только трудоголика, но, помимо этого, еще и харизматичного лектора, чьи выступления пользовались интересом у самой разнородной публики.

Переходя от работ Дюркгейма к трудам его учеников и коллег из *L'Année sociologique* (Марсель Мосс, Роберт Герц, Анри Юбер, Селестен Бутле и проч.), Смит пишет о ключевом значении Дюркгейма для продуктивности всей группы. Дюркгейм был настоящим «интеллектуальным тотемом» (с. 92), источником идей и вдохновения для окружающих его людей. С его уходом группа лишилась интеллектуального драйва, отказавшись от претензий на создание всеобъемлющей теории общества и отстаивания дисциплинарных границ в пользу эмпирической работы (с. 97). Возможное объяснение тому кроется в том, что, подобно Дюркгейму периода между написанием «Самоубийства» и «Элементарных форм», они стали посвящать значительную часть своего времени преподаванию и административной работе (с. 99). И все же Смит почтительно определяет роль этих прямых наследников традиции как авторов, показавших парадигмальность дюркгеймовской мысли, ее высокую объяснительную силу и адаптивность (с. 79). Также важно, что при жизни Дюркгейма они снабжали его этнографическим материалом и собственными комментариями к нему, что сказалось на разработке «Элементарных форм».

Обсуждая сохранение дюркгеймианской традиции во Франции после смерти ее основателя, Смит более прочего концентрируется на работах Марселя Мосса, Мориса Хальбвакса и членов *Коллежа социологии* (Жорж Батай, Роже Кайуа, Мишель Лейрис). Первый, несмотря на обширные должностные обязанности (связанные в том числе с восстановлением основанного Дюркгеймом журнала), стал медиатором между эпохой Дюркгейма и представителями французской академии второй половины XX века (например, будучи преподавателем Клода Леви-Стросса, с. 104). Его работы о даре⁷ и техниках тела⁸ стали самостоятельными источниками вдохновения для следующих поколений антропологов и социологов. Труды Хальбвакса о коллективной памяти и ее истоках в социальной жизни стали одним из фундаментов появления целого направления исследований в 1990-х годах. Наконец, неформальное объединение Батая, Кайуа и Лейриса (еще один студент Мосса) внесло свой вклад в формирование понятия сакрального, обогатив прежнее понимание рассмотрением субъективного опыта (с. 106).

Смит согласен с Рэндаллом Коллинзом⁹ в вопросе о причинах упадка дюркгеймианской традиции во Франции в послевоенные годы (с. 114). По утверждению последнего, ее представители не были в почете ввиду обвинений в интеллектуальном потворстве национализму Третьей республики¹⁰. Для собственного сохранения

7. Мосс М. (2011). Опыт о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / Составление, перевод с французского, предисловие, вступительная статья и комментарии А. Б. Гофмана. М.: КДУ. С. 134-285

8. Мосс М. (2011). Техники тела // Там же. С. 304-325

9. Collins R. (2005). The Durkheimian movement in France and in world sociology. The Cambridge Companion to Durkheim (eds. Alexander J. C. & Smith P.). Cambridge: Cambridge University Press. P. 101-135.

10. Collins R. (2005). The Durkheimian movement in France and in world sociology. The Cambridge Companion to Durkheim (eds. Alexander J. C. & Smith P.). Cambridge: Cambridge University Press. P. 118.

и развития традиция должна была наконец-то оторваться от французской почвы — и она это сделала. Следующие части повествования (1917–1950 и 1950–1985 годы) главным образом строятся вокруг истории усвоения традиции антропологами и тех метаморфозах, которые она претерпевает, попав в США. В первом случае Смит поочередно обращается к работам Рэдклиффа-Брауна, Эванса-Притчарда, Клода Леви-Стросса и Мэри Дуглас. Все четверо получают значительное место в книге и образуют свою(и) традицию(и) использования поздних дюркгеймовских интуиций.

Центральным персонажем американских страниц (до 1985 года) становится Толкотт Парсонс. Скорее всего, он впервые ознакомился с работами Дюркгейма на семинарах Бронислава Малиновского в *Лондонской школе экономики* (как замечает Смит, усилиями Рэдклиффа-Брауна влияние Дюркгейма в британской антропологии того времени стало неизбежным даже в лагере оппонентов (с. 130)). Примечательно, что, сталкиваясь с задачей описания национальных и дисциплинарных полей, в которых обнаруживается дюркгеймовский стиль мышления, и желая наиболее реалистично обозначить маршрут в каждом из них, автор неоднократно прибегает к метафоре сети. Кроме этого факта парсоновской биографии, например, подчеркивается центральность самого Дюркгейма и, позднее, Мосса для *L'Année sociologique*. Итак, Парсонс берет у французского коллеги идею механической и органической солидарностей, сопряженных со степенью сложности устройства социальной системы, синтезируя эту теорию с веберовским анализом действия. Ссылаясь также на «Элементарные формы», Парсонс напишет, что Дюркгейм в конце карьеры исцелился от объективизма и даже сблизился (не ведая того) с понимающей традицией. Обращаясь далее к системной теории, разрабатываемой Парсонсом с 1940-х годов, Смит пишет, что упадок ее популярности, вызванный ее радикальной оторванностью от мира времен войны во Вьетнаме, свел на нет и интерес к Дюркгейму (с. 140). Тем не менее Смит обсуждает следы дюркгеймовского влияния у обширной группы влиятельных американских социологов тех десятилетий: Роберта Мертсона, Гарольда Гарфинкеля, Нейла Смелзера, Кая Эриксона, Уильяма Ллойда Уорнера, Эдварда Шилза, Стивена Льюкса, Роберта Беллы и Ирвинга Гоффмана.

Заключительная глава книги посвящена развитию традиции в последние десятилетия. Оно было обусловлено нарастающим интересом социологов к «Элементарным формам», книге, прежде считавшейся вотчиной антропологии, на фоне начавшегося в 1980-е годы процесса «депарсонизации» дюркгеймовского подхода. «Формы» стали универсальным источником легитимности для более широкой исследовательской повестки (с. 187) и способом позитивного отказа от структурных способов анализа. Выход на сцену «Сильной программы» в культурсоциологии и создание Рэндаллом Коллинзом теории цепочек интерактивных ритуалов, по мнению Смита, — главные события внутри традиции после 1985 года. Новаторство первой заключалось в понимании современности как феномена, не являющегося полностью рациональным, и в демонстрации того, как использовать Дюркгейма эмпирически (с. 189). Коллинз, в свою очередь, разработал дюркгей-

мианскую модель, которая делает основной акцент на микроуровне (что звучит как оксюморон), и потому является компромиссом для целого спектра научных парадигм, от культурсоциологии до теории конфликтов и символического интеракционизма (с. 198). После разбора этих крупных направлений современной американской социологии Смит кратко «подсвечивает» и других авторов, работающих в духе Дюркгейма. В США это, например, Мишель Ламонт, Вивиана Зелизер, Барри Шварц и Дэвид Грусски.

В ходе ознакомления с книгой читатель неизбежно испытает чувство долгого и увлекательного путешествия, тщательно подготовленного автором. Действительно, за таким масштабным обзором стоит титанический объем работы и рефлексии. Истоки широкой эрудиции автора и ловкости, с которой он увязывает различные исследовательские традиции друг с другом, обнаруживаются в полученном им образовании. Смит защитил свою первую степень по социальной антропологии в университете Эдинбурга, а докторскую по социологии — в университете Калифорнии. Будучи погруженным в обе дисциплины в соответствующих национальных контекстах, он, бесспорно, является одним из немногих специалистов, способных написать такую книгу. С другой стороны, еще в процессе чтения может появиться ощущение недосказанности, достигающее пика в последней главе. Интенсивность этого переживания будет зависеть от «пространства внимания» читателя, если угодно, его склонности к «одному из двух» Дюркгеймов. Текст Смита пронизан амбициями представителя «сильной программы», для продвижения которой в самых разных его частях появляются соответствующие отсылки. Смит признает искаженность своего взгляда (с. X), и тем не менее книга, претендующая на охват дюркгеймианской традиции в большинстве ее проявлений, упускает многие ее вариации и воплощения.

Вполне в духе классика можно наполнить это утверждение количественной справкой из предметно-именного указателя книги. Во-первых, бросается в глаза то, что Смит так или иначе упоминает «Элементарные формы» даже несколько чаще, чем три предшествующие работы Дюркгейма. Это трудно оправдать знаменитым тезисом об эпистемологическом разрыве в его интеллектуальной карьере — преувеличением будет сказать, что эти книги не способны сами по себе вдохновить исследовательский поиск. Смит подробно описывает, как Дюркгейм пришел к «Элементарным формам» (например, упоминает написанную совместно с Моссом работу о классификации), и старается отыскать «культурные» мотивы в прежних текстах. Однако книга в целом создает впечатление, что «Формы» — самая важная книга Дюркгейма, и что именно благодаря ей соответствующий стиль мышления смог пережить XX век. В указателе издания присутствуют Мишель Фуко и Пьер Бурдьё — они появляются на восьми страницах книги, в то время как отдельные антропологи (Дуглас, Леви-Стросс, Рэдклифф-Браун, Эванс-Притчард), а также социологи Джеффри Александер и Рэндалл Коллинз получают в два, а то и в три раза больше места. При этом нельзя не заметить, что обсуждение первых не является цельным; Смит лишь в одном месте указывает, что они «оказали

помощь» культурному повороту в США (с. 184). Появление Бурдые в остальных местах неизбежно без обсуждения Марсея Мосса, который по праву является вторым главным лицом в книге, и использования им понятия «габитус». Еще более очевидно отсутствие даже кратких упоминаний прочих исследователей. На ум приходит Энтони Гидденс, развивавший дюркгеймовскую мысль в собственном русле и написавший «Новые правила социологического метода» (1976). Напоследок стоит отметить, что Смит игнорирует судьбу многих тем из книг Дюркгейма. Можно упомянуть его влияние на криминологию (например, на Дэвида Гарланда), традиции исследования самоубийств, *memory studies*.

Последние замечания адресованы не столько Смиту и его блистательной книге, сколько всем нынешним социальным ученым. Дюркгейм — и эту мысль Смит пронесит через всю книгу — живет всех живых. Его богатое наследие способно и сегодня, спустя сто пять лет после его смерти, давать заряд работе ученых из разных дисциплин. Обозреваемая здесь книга — часть этого заряда, вдохновляющего в данном случае сторонников «сильной программы» по всему миру. Несомненно, книга в перспективе ближайших лет привлечет в этот лагерь новых бойцов. Ее содержание может показаться искаженным для коллег, работающих в других направлениях внутри традиции, однако с задачей создания идентичности определенной группы культурсоциологов текст Смита справляется превосходно. По словам Стивена Льюкса, книга также является увесистым аргументом против попыток вскрыть социологический канон и отказаться от его представителей, но она же смотрит в будущее¹¹. В будущее, которое таит для нас новые неожиданные повороты и переходы дюркгеймовской мысли, взлеты и падения ее различных вариаций. Как иронизирует сам Смит, в истории дюркгеймианской традиции главенствующая роль не принадлежала ни одной школе больше тридцати лет, а это значит, что и «сильная программа» рано или поздно будет свернута. В любом случае, у этой истории открытый и вдохновляющий финал.

Durkheimian Tradition Through The Eyes Of The Cultural Sociologist

Book Review: Smith P. (2020) *Durkheim and After: The Durkheimian Tradition, 1893-2020*. New York: John Wiley & Sons.

Arthur Pecherskikh

Master's Student, Faculty of Sociology, European University at St. Petersburg

Address: Gagarinskaya str, 6/1A, Saint Petersburg, Russian Federation 191187

E-mail: apecherskikh@eu.spb.ru

11. *Lukes S. (2022). Smith P. (2020). Durkheim and After: The Durkheimian Tradition, 1893-2020. Cambridge: Polity. P. 4.*